

УДК 22.08

Диакон Сергей Павлович Горбунов
студент 2 курса магистратуры кафедры библеистики
Московской духовной академии

Deacon Sergey Pavlovich Gorbunov
2nd-year graduate student of the Department of Biblical Studies
Moscow Theological Academy

**ОЦЕНКА ХРИСТОЛОГИИ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА
В СВЕТЕ МЕССИАНСКИХ ОЖИДАНИЙ ЭПОХИ
ВТОРОГО ХРАМА**

**AN ASSESSMENT OF THE CHRISTOLOGY OF THE
GOSPEL OF JOHN IN THE LIGHT OF THE MESSIANIC
EXPECTATIONS OF THE SECOND TEMPLE JUDAISM**

Аннотация. В данной статье будут рассмотрены представления о Мессии в литературе эпохи Второго Храма. Под эту категорию подпадают богословские произведения, созданные после построения Второго Иерусалимского Храма и до пришествия Иисуса Христа. Хотя эти памятники обладали серьезным влиянием на религиозное сознание общества, они не вошли в канон Ветхого Завета. В Ветхом Завете термин «Мессия» относился к любому лицу, помазанному на царство или священство. Однако постепенно Мессия приобрел черты идеального правителя, который принесет справедливость на землю. Эти характеристики развились в период Второго Храма, однако мессианские представления находились под влиянием религиозных партий. Большая часть текстов Второго Храма сообщают Мессии сверхчеловеческие способности: он будет орудием Божественного гнева для грешников и справедливости для праведников. Ряд текстов показывают готовность

отказаться от точки зрения, согласно которой Мессия непременно должен быть потомком Давида. Это было связано как с угасанием династии Давида и появлением новых правителей, так и с осознанием того, что праведность перед Богом не зависит от происхождения. Взаимосвязь Мессии и колена Иуды скорее указывала на то, что истина оставалась за иудеями, прежде всего в религиозном плане. Увеличение роли религии в формировании иудейской идентичности отразилось на учении о двух Мессиях, один из которых будет священником, а другой — царем. Эта концепция была популярна в есеевских и кумранских кругах. Вместе с тем убежденность в родстве Мессии и Давида также имела место быть, ведь не все принимали хасмонейское правление. В Новом Завете отражены все формы мессианских ожиданий иудеев той эпохи, однако для Евангелия от Иоанна наибольшее значение имела идея сверхчеловеческого Мессии, не связанного с домом Давида.

Abstract. This article will examine the ideas of the Messiah in the literature of the Second Temple era. Theological works created after the construction of the Second Jerusalem Temple and before the coming of Jesus Christ fall into this category. Although these monuments had a serious impact on the religious consciousness of society, they did not enter the canon of the Old Testament. In the Old Testament, the term Messiah referred to any person anointed to the kingdom, or priesthood. However, gradually the Messiah acquired the features of an ideal ruler who would bring justice to the earth. These characteristics developed during the Second Temple period, but Messianic beliefs were influenced by religious parties. Most of the texts of the Second Temple inform the Messiah of superhuman abilities: he will be an instrument of divine wrath for sinners and justice for the righteous. A number of texts show a willingness to abandon the point of view that the Messiah must necessarily be a descendant of David. This was due both to the extinction of the Davidic dynasty and the emergence of new rulers, and to the realization that righteousness before God does not depend on origin. The relationship between the Messiah and

the tribe of Judah rather indicated that the truth remained with the Jews, primarily in religious terms. The increasing role of religion in shaping Jewish identity has been reflected in the teaching of two Messiahs, one of whom will be a priest and the other a king. This concept was popular in Essene and Qumran circles. At the same time, the conviction of the kinship of the Messiah and David also took place, because not everyone accepted the Hasmonean rule. The New Testament reflects all forms of Messianic expectations of the Jews of that era, but for the Gospel of John, the idea of a superhuman Messiah unrelated to the house of David was of the greatest importance.

Ключевые слова: Мессия, мессианизм, Второй Храм, межзаветная литература, Евангелие от Иоанна, Книга Еноха, Книга Юбилеев, Мелхиседек, Кумран.

Key words: Messiah, Messianism, the Second Temple, inter-covenant literature, the Gospel of John, the Book of Enoch, the Book of Jubilees, Melchizedek, Qumran.

Со времен Иезекииля (первая половина VI века до н. э.) начинаются переосмысления мессианских пророчеств. Мессианизм остается царским, но он больше не принадлежит Давиду. Иезекииль верил в теократическое устройство общества. В будущем он или его ученики представляли себе Израиль, управляемый двумя лидерами, князем и священником. Он ничего не говорит о династической принадлежности этого князя. Возможно, это решение было связано с непредвиденными политическими факторами, такими как потеря политической независимости, но в любом случае ясно прослеживается его идеологическая позиция, которая также проявляется в осуждении всех без исключения царей прошлого (Иез. 45:9) [12, р. 146]. Исторический Давид становится просто фигурой идеального царя, который однажды придет спасти Израиль. В Иез. 34:23–24 мы читаем: «Я поставлю им пастыря, который

будет пасти их, моего слугу Давида: он будет пасти их и будет пастырем для них». Таким образом, настоящий Давид еще придет, и он будет пастырем Израиля. Прежний Давид был предком царя-мессии: теперь он стал его олицетворением. Снова в Иез. 37:24–26 написано: «Раб мой Давид будет царем над ними, и у них будет один пастырь. Они будут следовать моим предписаниям и тщательно соблюдать мои уставы... и мой слуга Давид будет их князем навеки. Я заключу с ними мирный завет; это будет вечный завет...» Больше нет упоминаний о династии Давида: Иезекииль ожидает нового Давида, который воплотит в реальность те надежды, которые когда-то возлагались на исторического потомка дома Давида. Мессианские надежды начинают меняться. Этот первый шаг ведет от потомка Давида к идеальному Давиду, который не обязательно является потомком исторического.

Со II века до н. э. происходит явное возрождение мессианских ожиданий. Это связано с печальным историческим периодом, через который прошел Израиль, вынужденный жить в условиях напряженности между египетскими Птолемеями и сирийскими Селевкидами, разделенный на сторонников тех и других на политическом уровне, а на идеологическом уровне раздробленный на многочисленные соперничающие партии [7, р. 37]. Это был период лишений и войн, длившийся с небольшими перерывами вплоть до разрушения храма. В этот период легко находили поддержку утопии и мессианизм. Чем дальше казалось «спасение», тем больше люди склонялись к тому, что оно произойдет благодаря некоему вмешательству Бога. Когда ожидание Божиего вмешательства объединяется с идеей о том, что у Бога будет исторический инструмент для его осуществления, получается мессианизм.

О Мессии говорит «Книга сновидений» — составляющая эфиопской Книги Еноха, которая с уверенностью датируется периодом, непосредственно следующим за 164 годом, поскольку последнее известное в ней событие — это смерть Антиоха IV. В ней содержится история Израиля, которую автор пред-

ставляет как рассказ Еноха своему сыну Мафусаилу, вытекающий из небесных скрижалей и, следовательно, относящийся к будущему. На самом деле «будущее» для персонажа Еноха является настоящим для автора Книги Еноха. Автор ожидает, что Бог, однажды сойдя на землю, совершит суд над грешными ангелами, слепыми овцами («плохие» евреи, кто верит не так, как автор) и всеми народами. После этого суда Бог уничтожит храм, построит новый, и этот новый храм (7 Ен. 90:29) ознаменует начало нового мира, где появится бык с огромными рогами [4, р. 56]. На метафорическом языке нашего автора евреи всегда называются овцами, ангелы представлены в виде людей, иностранные народы — в виде диких или нечистых животных. Посередине, между ангелами и людьми (на его языке — между людьми и овцами), находятся волы, то есть фигуры из библейской традиции, особо благословленные Богом, такие как Адам и Ной. Ной уникален среди живых существ, ибо он стал человеком или, без метафор, ангелом [17, с. 41]. Сим, Авраам и Исаак также представлены волами, но Иаков уже символизируется овцой, как и двенадцать патриархов Израиля. Моисей и Аарон также являются овцами, а не волами [2, р. 133].

Ожидаемый бык — это, очевидно, человек, который получит то же благословение, что и Адам, и патриархи вплоть до Исаака. Он будет править всеми народами, которые будут бояться его и молиться ему [4, р. 60]. После Великого суда Бог построит новый храм, и Израиль наконец обретет царство справедливости, управляемое этим исключительным существом, которое является Мессией, т. е. царем, но не связано с домом Давида. Мессия придет после Страшного Суда, и перед ним будет поставлена задача установить на земле порядок и справедливость, которых желает Бог.

Книга Юбилеев, или Малое Бытие, апокрифический текст ессейского типа, который может быть датирован концом II века, испытывает сильную антипатию к фигуре Мелхиседека, которую он вычеркивает из повествования, хотя обычно история Мелхиседека наоборот дополнялась множеством

деталей [15, р. 71]. Ранее можно было бы предположить, что эта антипатия была вызвана тем фактом, что фигура Мелхиседека могла служить оправданием поведения Хасмонеев, которые были одновременно царями и священниками, вопреки еврейской традиции. Но открытие кумранского фрагмента «Мелхиседек» показывает, что у автора Книги Юбилеев могли быть более конкретные и серьезные причины для того, чтобы исключить Мелхиседека из своего повествования. Он был противником Еноха, обладавшим явными чертами спасителя. Свиток 11QMelch довольно фрагментарен, и его значение не всегда кажется ясным. Но некоторые фразы, независимо от их контекста, приводят нас в замешательство и в любом случае представляют большой интерес. Например: «Мелхиседек, который заставит их вернуться к себе и провозгласит прощение для них, освободив их от [долга] всех их беззаконий» [6, с. 289]. Или: «Тогда совершится искупление для всех сынов [света (?)] и для главы общества Мел[хи]седека» [6, с. 291]. Также: «Мелхиседек совершит возмездие за суды Божьи» [6, с. 293]. Автор 11QMelch считал, что Ис. 52:7, Пс. 82:1 и Пс. 7:8–9 — это пророчества о пришествии Мелхиседека, который будет судить грешников и спасет Израиль от Велиала.

В другом тексте из Кумрана 4QAmramb великий противник Бога назван *mlkyršc* [8, р. 90]. Имя Малькираша — «царь плохого», по-видимому, принадлежит злему двойнику Малькиседека, имя которого переводится как «царь праведности». Из этого текста мы можем сделать несколько выводов: 1) Мелхиседек — сверхчеловеческое существо, наделенное божественными чертами. 2) Его задача — вернуть евреев на правильный путь. 3) Именно он провозгласит прощение грехов. 4) Его задача — если не вершить суд (текст неясен), то, безусловно, осуществлять Божие возмездие. Эти функции, как правило, мессианские, потому что они спасительны [8, р. 91]. Но следует отметить, что важность этих функций чрезвычайно возросла по сравнению с более древним мессианизмом.

Наряду с ростом значимости функций происходит разви-

тие характера мессианского персонажа, постепенно приобретающего качества, все более превосходящие человеческие. Если будущий мессия из «Книги Сновидений» будет обладать природой патриархов, то Илия, Енох, а теперь и Мелхиседек определенно больше, чем люди, поскольку они родились, но не умерли. Между II и I веками до н. э. в кругах ессеев развивался новый тип мессианизма, который включал наличие двух мессий. В западной библеистике это называют «двойным», или «священническим», мессианизмом по причине того, что помазанников двое: один от Аарона, другой от Израиля [7, р. 137]. В этой форме текстов не упоминаются ни Давид, ни Садок. Основопологающим является четкое различие между двумя функциями, гражданской и религиозной, двумя функциями спасения, проецируемыми на будущее. Двум мессиям еще предстоит прийти, и когда они придут, они выстроятся иерархически таким образом, что более высокое положение будет принадлежать мессии Аарона [10, р. 164]. Это прослеживается, например, в Завете Иуды из Заветов Двенадцати Патриархов: «Ибо мне дал Бог царство, а ему священство, и подчинил царство священству. Мне он дал, что на земле, а ему, что на небесах. Ибо так возвышается священство Божие над земным царством, если бы оно (священство) через грех не отпало от Господа и не было подчинено земным царством» [5, с. 295]. Перед мессией-священником будет стоять задача дать окончательное толкование Закона во всех его аспектах и будет поручено связать сатану. В апокрифических текстах сатана играет важную роль, которой он не имеет в текстах канона. Мир в среде есеевского типа был разделен на две великие партии (goralim), принадлежащих к свету и тьме: одна из них находится под предводительством ангела света, обычно интерпретируемого как Михаил, а другая — под предводительством ангела тьмы, который может называться самыми разными именами, но является всегда дьяволом [14, р. 303]. Первосвященник будет выполнять высшую и спасительную функцию, кульминацией которой станет освобождение мира от зла.

Но этот священник будущего не имеет ничего общего с историческим священством Израиля. Это будет священство исключительного рода. В Заветах Левия написано: «Когда возмездие от Господа постигнет их, тогда Господь воздвигнет нового священника, которому будут открыты все слова Господни. Он будет вершить суд истины над землей в течение многих дней. Он воссияет на земле, как солнце; он разгонит всякую тьму под небесами, и на всей земле воцарится мир. Небеса возрадуются во дни его, и облака наполнятся радостью. Слава Всевышнего будет возвещена ему, и дух разумения и святости почиет на нем. Он передаст величие Господа своим сыновьям, истинно и навеки. У него не будет преемников, из поколения в поколение и во веки веков. При его священстве грех исчезнет. Он даст святым вкушать от древа жизни. Велиар будет связан им» [5, с. 284]. В целом, складывается впечатление, что автор Заветов Двенадцати Патриархов ожидает иного мира, который будет установлен помазанниками Левия и Иуды.

Интересно, что имя Давид исчезает, подменяясь именем Иуда, которое предполагает более широкую трактовку. Автор больше не ожидает царства Давида, но, основываясь на древних мессианских пророчествах о Давиде, он все еще верит в восстановление царства Израиля. В Завете Иуды говорится: «Мое правление прекратится из-за действий чужеземцев, пока не придет спасение Израиля, пока не наступит пришествие Бога праведности, так что Иаков и все народы будут жить в мире. Он (потомок Иуды — прим. авт.) сохранит власть в моем царстве навеки, потому что Господь поклялся не отнимать царство у моего потомства во веки веков» [5, с. 296].

Однако существует текст I века до н. э., в котором вновь появляются ожидания Месии из рода Давида — это Псалмы Соломона. В нем рассказывается как о завоевании Иерусалима римлянами (63 г. до н. э.), так и о смерти Помпея, осквернившего храм [3, р. 287]. Автор яростно выступает против хасмоне-ев, поскольку считает их узурпаторами. Иерусалимский трон по Божественной воле может принадлежать только потомкам

Давида: «Господь, ты избрал Давида царем над Израилем и поклялся ему о его потомках навеки, что его царская власть никогда не ослабее. Они изгнали нас, те, кому ты ничего не обещал... Они разрушили трон Давида высокомерными переменами. Но ты, о Боже, низвергаешь их и забираешь с земли их потомство, заставляя восстать против них человека, чуждого нашему народу... Смотри, Господи, и воздвигни для них (евреев — прим. авт.) их царя, сына Давидова, по случаю, который ты избрал, о Боже, чтобы твой слуга мог править Израилем» [5, с. 374]. С одной стороны, в этом тексте мы отмечаем веру в вечность царства Давида. С другой стороны, создается впечатление, что эсхатологическое напряжение ослабло.

Автор «Книги Сновидений», по-видимому, ожидал Великого Суда, который должен был открыть царство мессии в то время, которое уже было близко; возможно, он надеялся увидеть его. Автор «Псалмов Соломона» живет своей надеждой с некоторой отстраненностью. Он не знает времени и использует формулу, которая оставляет много места для Божиего терпения: «Для того случая, который ты выбрал» [10, р. 158]. Но каким бы ни было время, цель истории может быть только в этом. Функция потомка Давида, когда он придет, будет заключаться в том, чтобы вершить правосудие на земле, правосудие, понимаемое в смысле социального равенства.

Это второй элемент мессианской категории: установление царства справедливости. Параллельно с этой мессианской темой идет тема посредничества. Мы видели, что Енох также выполнял функции посредника, поскольку, стоя между Богом и грешными ангелами, он передавал послания в обоих направлениях. Однако обсуждение посредничества необходимо для того, чтобы представить последнюю великую фигуру спасения — Сына Человеческого [13, р. 331]. Когда в Евангелиях говорится о Сыне Человеческом, люди хорошо понимают, о ком идет речь и какие функции он выполняет (Мк. 2:10). В Послании Еноха, другой части эфиопской книги Еноха, Великий Суд будет совершен не непосредственно Богом, а ангелами [16,

р. 331]. Это новшество в еврейской мысли. Ангелы, которые будут вершить суд, будут Стражами, теми самыми ангелами, которые в апокалиптической или, по крайней мере, енохической традиции согрешили и заставили грешить других. Очевидно, что в апокалиптической традиции был кто-то, кто протестовал против определенных идей своей собственной традиции [16, р. 245]. Послание Еноха гласит: «Как гора никогда не становилась и никогда не станет... так и грех не был послан на землю, но люди сами создали его, и те, кто это сделал, обречены на великое проклятие» [17, с. 173]. Автору было противно, что должны существовать грешные ангелы и что грех должен был быть каким-то образом принесен на землю извне.

Послание Еноха, с одной стороны, отличается от апокалиптической традиции, но с другой — наследует идею посредничества. Ангелы совершают от имени Бога дела, которые подобают только Ему, и это довольно близко к концепции мессианизма, потому что Мессия также выполняет по приказу Бога поручение, которое может быть выполнено только с его помощью и по его воле [13, р. 332]. Эти функции посредника и Мессии объединены в образе Сына Человеческого из Книги Притч, еще одной части Книги Еноха. В этой части появляется странная фигура Сына Человеческого, которая, несомненно, восходит к 7-й главе Книги Даниила. В книге Пророка Даниила Сын Человеческий был символом народа, святых Божиих; в Книге притч он становится по-настоящему самостоятельной фигурой, которую отождествляют с Енохом и объявляют Мессией [11, р. 28]. Таким образом, Сын Человеческий, по-видимому, является титулом, относящимся к сверхчеловеческой фигуре с мессианскими функциями, которую Книга Притч отождествляет с Енохом. Сын Человеческий сотворен прежде времени. В книге этот персонаж носит три разных титула: сначала «праведный», затем «избранный» и, наконец, «Сын Человеческий» [11, р. 29]. Бог откроет его в подходящий момент, и у него будет задача уничтожить всех злодеев, которые для автора, по сути, являются политиками и теми, кто каким-то

образом удерживает власть, в то время как добрыми по определению являются бедные и смиренные. Он низвергнет царей с их тронов, сокрушит зубы грешников. Его суд будет суровым. Он один должен выполнить задачу, которая в «Послании Еноха» была возложена на всех ангелов [13, р. 334]. Таким образом, он положит начало Царству Божию на земле. В тексте пришествие Царства Божиего совпадает с приходом мессианской фигуры, в отличие от текста «Книги Сновидений», где суд предшествовал пришествию Мессии.

В сирийском Апокалипсисе Баруха (конец I в. н. э.) мы становимся свидетелями уменьшения значимости Мессии, который, однако, остается сверхчеловеческой фигурой. Задача Мессии — подготовить мир к Великому Суду, а не вершить его. Перед Мессией будет стоять задача подготовить пришествие Царства Божиего, а не управлять им [2, р. 411]. Этот Мессия — человек, но один из тех, о ком сказано, что он был явлен Богом и что по завершении своей задачи он вернется на небеса. Он осудит язычников и придаст стабильность Израилю: его последним деянием будет суд и казнь на горе Сион последнего царя язычников [2, р. 412]. После этого его задача будет выполнена, и его царство будет существовать до конца света, до того момента, когда «тленному миру придет конец». Тогда наступит царство нетления. В Третьей книге Ездры функция Мессии аналогична этой, с еще более выраженными человеческими чертами, хотя черты человечности превосходят черты обычных смертных. Мессия из Третьей книги Ездры снова происходит из рода Давида [9, р. 266]. Он будет председательствовать на Великом Суде и осудит язычников. Его жизнь продлится около 400 лет. Но по истечении этих 400 лет он умрет, и с его смертью закончится мировая история [9, р. 269]. С этого момента мир вернется к изначальной тишине: в течение семи дней, столько же, сколько было при первом сотворении мира, будет царить абсолютная тишина. Тогда наступит новое творение, новый мир, в котором, наконец, не будет зла.

В I в. н. э. идея о том, что Мессия должен был превзойти че-

ловека, утвердилась до такой степени, что, несмотря на тенденцию в обратном направлении, развившуюся к концу столетия, Мессии всегда приписывались сверхчеловеческие черты. Лучшим ключом к пониманию христианского мессианизма является сверхчеловеческий мессианизм и особенно фигура Сына Человеческого, а не царственная мессианская идеология. Сами тексты Нового Завета отказываются интерпретировать Иисуса как царственного Мессию из рода Давида. С этим связан феномен Мессианской тайны в Евангелии от Марка. Это прослеживается и в Евангелии от Иоанна, где прямо сказано: «Иисус же, узнав, что хотят прийти, нечаянно взять Его и сделать царем, опять удалился на гору один» (Ин. 6:15). Во времена Иисуса ожидание эсхатологического судьи, Спасителя, Сына Человеческого было распространено по всему иудаизму. В Евангелии от Марка в числе первых эпизодов рассказывается об исцелении расслабленного, которому Иисус отпускает грехи, прежде чем исцелить его: «Но чтобы ты знал, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, сказал он расслабленному: я говорю тебе: встань, возьми свой одр и иди в дом свой» (Мк. 2:10–11). Обратите внимание на переход от третьего лица к первому.

Смысл этого можно обобщить следующим образом: в иудаизме Второго Храма термин Мессия оброс множеством коннотаций, которые противоречили христианскому мировоззрению. С одной стороны, христианские авторы изображали Иисуса как Богочеловека, который пришел вершить суд над миром. Однако сам характер этого суда и будущего Царства значительно отличался от представлений, которые бытовали в иудаизме. Авторы Нового Завета не делили мир на иудеев и язычников, но на тех, кто готов поверить в Христа и тех, кто его отвергает, на праведников, готовых к любви, и на грешников, которые нарушают ее принципы. Хотя образ Иисуса включает сверхчеловеческие мессианские черты, которые присущи литературе Второго Храма. Его суд предусматривает больше милосердия, а царство не предполагает политического измерения. Возмож-

но по этой причине в в Евангелии от Иоанна вместо Царства Небесного в большей мере фигурирует «жизнь вечная».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском Синодальном переводе с приложениями. Брюссель, 1989.

2. *Charlesworth J. H.* The Old Testament Pseudepigrapha: Vol. 1. Apocalyptic Literature and Testaments New Yourk: Doubleday & Company, 1983.

3. *Charlesworth J. H.* The Old Testament Pseudepigrapha: Vol. 2. Expansions of the Old Testament and Legends, Wisdom and Philosophical Literature, Prayers, Psalms, and Odes, Fragments of Lost Judeo-Hellenistic Works. New Yourk: Doubleday & Company, 1985.

4. *Schodde G. H.* Book of Enoch, Translated from the Ethiopic, With Introduction and Notes. Andouer: Warrren F. Drapper, 2007.

5. Ветхозаветные апокрифы / ред. П. Берснев. СПб.: Амфора, 2009.

6. Тексты Кумрана. Т. 1 / Пер. с древнееврейского и арамейского и комм. Амузина И.Д. М.: Наука, 1971.

Литература

7. *Collins J. J.* The Scepter and the Star Messianism in Light of the Dead Sea Scrolls. Cambridge, 1995.

8. Defining Identities: We, You, and the Other in the Dead Sea Scrolls / ed. By F. G. Martínez and M. Popovic. Leiden: Brill, 2008.

9. *Flusser D., Yadin A.* Judaism of the Second Temple Period: Vol. 1. Qumran and Apocalypticism. Grand Rapids: Eerdmans Publishing Company, 2007.

10. *Gurtner D. M.* Introducing the Pseudepigrapha of Second Temple Judaism: Message, Context, and Significance. New York: Baker Academic, 2020.

11. *Knibb M.A., Ullendorff E.* The Ethiopic Book of Enoch: A new edition in the light of the Aramaic Dead Sea fragments. Vol. 2.

Oxford: Clarendon Press, 1978.

12. *Kohn R. L.* A New Heart and a New Soul: Ezekiel, the Exile and the Torah. Sheffield: Sheffield Academic Press, 2002.

13. *Rowland C.* Open Heaven: Study of the Apocalyptic in Judaism and Early Christianity. London: SPCK, 1982.

14. *Schiffman L. H., Vanderkam J. C.* Encyclopedia of the Dead Sea Scrolls: 2 vol. Oxford University Press, 2000.

15. *Segal M.* The Book of Jubilees: Rewritten Bible, Redaction, Ideology and Theology. Leiden: Brill, 2007.

16. *Stuckenbruck L. T.* 1 Enoch 91–108: A Commentary. Berlin/Boston: Walter De Gruyter, 2007.

17. *Смирнов А., свящ.* Книга Еноха: Историко-критическое исследование. Казань, 1888.